

А. Є. Жусупов

КОНТЕКСТ В АМБІВАЛЕНТНІЙ ОЦІНЦІ (НА МАТЕРІАЛІ КАЗАХСЬКОЇ МОВИ)

У статті розглядається роль контексту у створенні амбівалентної оцінки. Для вивчення контекстуальних умов оцінної неоднозначності вважається необхідним розгляд взаємозв'язаних понять “контекст” і “текст”.

Ключові слова: амбівалентна оцінка, okazіоналізм, узус, текст, контекст.

УДК [811.161.1+811.111]’373.612.2

О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай

Функционально-прагматическая роль бионимов в организации дискурса в русском и английском языках

Статья посвящена сопоставительному когнитивно-семантическому и дискурсивно-прагматическому анализу использования номинаций животных для характеристики поведения, внешности и особенностей характера человека. Фактический материал для анализа представлен примерами из русского и английского языков. В статье обосновывается положение о том, что при наличии общих когнитивных моментов в мотивации номинации человека через названия животных языковая картина мира имеет свою специфику в рассматриваемых языках, что отражается на реальном оценочном функционировании данных лексем.

Ключевые слова: зоонимы, зоометафора, концептуализация, категоризация, дискурсивно-прагматические характеристики.

В лингвистике тематика зоонимов издавна занимает одно из ведущих мест в исследованиях семантических и номинативных потенциалов языковых единиц, основных моделей метафорических переносов и тем самым — важных проблем исследования стилистических ресурсов языковой системы для более образной и ёмкой передачи мыслей, чувств и эмоций. Казалось бы, тем самым в исследованиях зоонимии практически не осталось места для возможности открыть новые аспекты этой проблемы. Но, на наш взгляд, такой исследовательский потенциал имеется, и он связан с развитием такой принципиально особой парадигмы исследования функциональных потенциалов номинации языковых единиц, как когнитивная лингвистика.

Как известно, предмет когнитивно-семантических исследований в лингвистике в основном составляет изучение таких важнейших процессов структурирования сознания в единицах языка и речи, как концептуализация и категоризация [1: 245–278; 4; 5; 10]. Концепты представляют собой структурированные представления о процессах, феноменах и предметах объективного мира и нашего сознания, а их группировка по характерным признакам и свойствам, определяемых во многом языковой картиной мира в пределах определённого языкового социума, объединённого культурными, историческими, политическими и прочими долговременными связями социального плана, т.е. возведение их в ранг определённой понятийной или структурной семантической категории, является категоризацией. Постоянное взаимодействие процессов концептуализации и категоризации обеспечивает стройность языкового мышления и языковой системы, позволяющей организовать стройность общения людей и передачу информации от одного носителя языка к другому.

Важное место в этом синтезе занимает номинация объектов действительности и сознания при помощи языкового обозначения одних явлений знаковой формой, связываемой в сознании с объектами иного рода. Именно в этой сфере наиболее часто ведущим процессом такого пере-структурирования является метафора, процесс, о котором Дж.Лакофф и М. Джонсон заявили, может быть, и с некоторой долей преувеличения, но вполне обоснованно, что люди живут этим процессом [9]. Зоометафора, которая и является предметом настоящей статьи — это одна из самых фундаментальных моделей передачи многообразия мыслей, чувств и эмоций, позволяю-

щих наиболее эффективно передать ту информацию, поделиться которой с другим человеком говорящий считает важным.

Зоометафора представляет собой процесс наименования объекта и предмета области-мишени именем какого-либо животного из области-источника. Тем самым область-источник представлена различными зоонимами, которые с научной точки зрения можно разделить на орнитонимы (наименования птиц), энтомонимы (наименования насекомых), ихтионимы (наименования рыб) и прочие классы, соответствующие биологической классификации живых видов по К. Линнею. Но наряду с научным мышлением в повседневной коммуникации важным источником структурирования концептов является и сознание обыденное, повседневное, существующее в настоящем, но сформированное в ходе сложного развития национальной культуры и тем самым определённых ассоциативных связей в сознании языкового социума, отражаемых в его языковой картине мира. Здесь воедино могут связываться номинации из разных классов научно-биологической картины мира.

Возникает вопрос: чем обусловлено такое несовпадение этих разных структур мышления на основе, казалось бы, одного и того же языкового материала? Ответ представляется аксиоматичным: это обусловлено коммуникативными, а точнее говоря, дискурсивными характеристиками. Люди ассоциируют одни и те же или похожие представления о явлениях мира реальности и мышления с разными сферами существования мира, связывают их воедино и отражают эту связь в различных единицах языка, прежде всего, в лексических и фразеологических, для характеристики одной и той же сущности или отношения. Если дело касается одного и того же предмета, мы чаще встречаем случаи абсолютной синонимии, типа *бегемот* и *гиннопотам* в русском языке или же языковые единицы для обозначения одного и того же явления в различных сферах общения, иначе говоря, стилистические синонимы типа *marijuana* и *grass* в английском языке. В случае же признаков, характеристик или абстрактных отношений чаще всего мы имеем дело с идеографическими синонимами. Именно такие случаи идеографической синонимии мы можем наблюдать в использованиях номинаций животных различных типов и классов для выражения оценочной квалификации и наделяния вещей внешнего мира, и в первую очередь, людей, их внешности, признаков внешнего поведения и поступков, определённым квалификативным содержанием в различных языках. Мы хотели бы показать данные феномены на материале современных русского и английского языков и увидеть, насколько контрастивны семантические их черты в сфере использования зоонимии, могут ли описываемые явления хотя бы потенциально претендовать на статус универсальных и т.п.

Обратимся к материалу указанных языков.

Прежде всего, анализ материала показывает, что в них можно проследить такую категоризационную семантическую оппозицию, как “домашние :: дикие животные”. Это вполне объяснимо, поскольку люди достаточно чётко проводят квалификацию различных сфер жизни, в том числе и в отношении животного мира, по линии “свой-чужой”. Внимание на данный когнитивный феномен неоднократно обращалось в работах по языковой семантике (например, Ю. С. Степанов [7: 126], В. В. Красных [3], Д. Б. Потураева [6], П. Н. Донец [2: 18], И. В. Чекулай [8: 269–271] и другие).

“Набор” домашних животных и в английском, и в русском языках для номинации характеристик людей и их поступков достаточно стандартен. Это, прежде всего, такие прототипические животные, как *собака/dog*, *кошка/cat*, *корова/cow*, *лошадь/horse*, *телёнок/calf*, *курица/hen* и другие. Однако в условиях реального дискурса, особенно для реализации целей речевой характеристики, их употребление показывает особенности осмысления данных лексических единиц в этих языках.

Возьмём, например, лексемы *собака/dog*, а также различные гендерные номинации этого понятия. В русском языке чаще всего это слово ассоциируется с человеком в контексте его отрицательной характеристики, например:

— Он у них в кучерах, — вступился Давыдка.

— С панского стола обеды схватывает.

— Ты, Валет, как цепной кобель, любого обрешешь (М. А. Шолохов).

— Иван, остался бы ты, — попросила хозяйка. — В лесу сторожку знаю, ни одна собака туда не заглянет (В. Д. Успенский).

— Вяжи-вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.
 — За что?
 — За здорово живешь — я Гришку знаю, друзьяки с ним. Это такой **кобель** — укусит и не скажет за что.

— Пойдите, станичники!..

— **Куцый кобель тебе станишник!** (М. А. Шолохов).

Однако в русском языке отмечаются такие нюансы употребления этих лексем, которые отсутствуют в английском языке. В частности, это относится к лексеме *кобель* в обозначении разнузданного сексуального поведения человека. В английском языке гендерное обозначение самца собаки является несколько условным (*he-dog*) и в данном значении практически не используется. В то же время в русском языке мы находим многочисленные примеры этого явления в дискурсе, в частности:

— *Куда ты пой-де-ошь?* — застонала Ильинична, хватая Григория за руку, но он с силой оттолкнул мать и на лету подхватил упавшую с кровати папаху.

— *Нехай идет, кобелина поблудный!* Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!.. — гремел старик, настежь распахивая двери (М. А. Шолохов).

Потёмкин переслал ей через Елагина записку: у тебя, матушка, перебивало уже пятнадцать кобелей, а мне честь дороже, и шестнадцатым быть никак не желаю (В. С. Пикуль).

В то же время лексемы *сука/bitch* достаточно гомогенны в своих дискурсивно-оценочных характеристиках в обоих языках и используются в русском языке для обозначения женщины лёгкого поведения. Представляется достаточно иллюстративным следующий пример из “Тихого Дона”, где данное слово выступает в известной поговорке как антитеза слову *кобель*:

Аксинья злобно рванула ворот кофты. На вывалившихся розоватых, девически крепких грудях вишнево-синие частые подтеки.

— *Не знаешь чего?.. Бьет каждый день!.. Кровь высасывает!.. И ты тоже хорош... **Напаскудил, как кобель, и в сторону...** Все вы... — Дрожжащими пальцами застегивала кнопки и испуганно — не обиделся ли — глядела на отвернувшегося Григория.*

— *Виноватого ищешь?* — перекусывая травяную былку, протянул он.

Спокойный голос его обжег Аксинью.

— *Аль ты не виноват?* — крикнула запальчиво.

— **Сучка не захочет — кобель не вскочит.**

Аксинья закрыла лицо ладонями. Крепким, рассчитанным ударом упала обида (М. А. Шолохов).

В английском языке лексема *dog* достаточно часто употребляется в различных сочетаниях, передавая разные оценочные смыслы, особенно четко это прослеживается во фразеологических единицах, таких как *dog's life*, *dirty dog*, *dumb dog*, *a clever dog*, *a dull dog*, *lame dog*. Например:

— *The UN had survived “dog days” and now enjoyed renewed credibility and popularity.* (BNC)

— *Dog you are, you are horrible.* (BNC)

— *And you've got to be a big dog to pull in a boat.* (BNC)

— *“The fellow's a Scotchman. What did you go hitting him on the nose for?” He gave me a thick ear first...” You must have called him something.” “Only a dirty dog.”* (J. Galsworthy)

— *Legally of course you can. But not morally. I mean it would be frightfully bad form. Your friends will think you a dirty dog.* (W. S. Maugham)

— *If his Majesty wants a cabinet of dumb dogs he will not get it from my party.* (B. Show)

— *“He is a clever dog, isn't he?” “Very clever,” admitted the other.* (U. Sinclair)

— *“Does he strike you as rather a dull dog?” asked Sir Henry.* (A. Christie)

— *There is enough junk in this place as it is without cluttering it up with the manuscripts of all the lame dogs you take a fancy to.* (M. Dickens)

В то же время и в русском, и в английском языке часто в сниженном стилистическом регистре встречается словосочетание, имеющее одинаковые семантические и дискурсивно-прагматические характеристики и используемое просто для отрицательной характеристики человека с акцентом на то, что его мать была сукой не в смысле её сексуального поведения, а просто как животное достаточно грязное, раболепно заискивающее перед человеком, способное есть объедки, — иными словами, как средоточие низменных человеческих характеристик.

В этом смысле человек предстает как сын собаки — шенок/рирру. Это словосочетания *сукин сын/son of a bitch*. Например:

— *Наговоры, — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.*

— *Ты помалкивай.*

— *Мало что люди гутарют...*

— *Цыц, сукин сын!* (М. А. Шолохов)

Пантелей Прокофьевич едва ли хочет сказать, что его собственный сын зачат им же от собаки, а просто хочет проявить свой отцовский авторитет и заставить сына замолчать и не пререкаться.

Интересным представляется тот факт, что в русском языке отмечается определённая вариативность данной в принципе устойчивой единицы при отсутствии такой вариативности в английском языке. Данная вариативность проявляется в том, что лексема *сын* может заменяться как зоонимом *кот*, так и другими лексемами, преимущественно выражающими отрицательное оценочное отношение, в частности:

Чарнога: *Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и — на тебе — пулеметы! Буденный — на тебе — с небес!* (М. А. Булгаков).

— *Пантелей Прокофич, сын у тебя!..*

— *Голова у него золотая! Мозговит, сукин кот.* (М. А. Шолохов).

Вариативность данной фразеологической единицы является очевидной и в комбинации с другой “звериной номинацией”, в частности:

— *Ты чего кулачья сучишь, волчий блуд? Ты чего, спрашиваю, кулачья сучишь?! — загремел, наезжая на него конем, вахмистр, начальник конвоя* (М. А. Шолохов).

В английском языке словосочетание *сукин сын/son of a bitch* достаточно широко используется в оценочных контекстах. Например:

— *Maybe he really was a cunning son of a bitch, just like Vasco said he was* (BNC).

— *“You, you son of a bitch,” she hissed, her breasts rising and falling rapidly beneath the gown,” you — ; you bastard.”*(BNC)

Что касается употребления лексемы *волк/wolf*, то и в русском, и в английском языках он ассоциируется с отрицательными чертами: хищность, жадность, алчность, властность и некоторыми другими. В русском языке:

— *И от этой будет дите! — крикнул, багровея, Коршунов. — Разве можно так над живым человеком? А?.. Раз смерти себя предавала и теперь калека... и ее топтать в могилу? А? Сердце-то, сердце-то... — на придушенный шепот перешел Мирон Григорьевич, одной рукой царапая себе грудь, другой притягивая свата за полу, — аль у него волчиное?*

— *При входе в местечко он едва не наткнулся на патруль и теперь шел с волчьей торопкостью, прижимаясь к заборам, не вынимая правой руки из кармана невероятно измазанной шинели: день лежал, зарывшись в стодоле в мякину.*

— *Улыбаясь, топтал Митька землю легкими волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой — шаг в шаг, в манере глядеть исподлобья зелеными зрачками глазами; даже в повороте головы — никогда не вертел Митька контуженой шеей — поворачивался всем корпусом, коли надо было оглянуться.*

— *Днем генералы поодиночке покинули место заключения. А в волчью, глухую полночь, когда маленький провинциальный городишко, затушив огни, спал беспросытно крепко, со двора быховской гимназии, по три в ряд, стали выезжать всадники.*

Для английского языка предпочтительным является употребление лексемы *wolf* в составе фразеологизмов *the big bad wolf, eat like a wolf*.

— *You are the big bad wolf so far as this house is concerned.* (E. S. Gardner)

— *Of course she is feeling quite well. She is eating like wolf.* (W. S. Maugham)

В целом лексема *волк/wolf* также часто выступает средством дискурсивной характеристики человека.

На основе фактического материала можно отметить лишь наиболее характерные когнитивно-дискурсивные сферы использования данных лексем:

— ловкий как собака
 e.g. *Круглая голова казака припала к конской шее. Он, как на скачках, повёл коня бешеным на-мётom, у высокого забора поднял его на дыбы и ловко перемахнул на ту сторону.*

— А ловкач энтот...

— *Ишь махнул через забор, как борзой кобель!* (М. А. Шолохов).

— грязный как собака

e.g. — *Наш-то полк идёт более или менее организованно, и все встречные-поперечные норовят к нам прислониться. Обозов нацеплялось **столько, сколько у шелудивой собаки ретев** в шерсти. И пуш-кари, и беженцы, и окруженцы. Табор цыганский* (В. Д. Успенский).

— неприхотливый как собака

e.g. *Для третьего взвода за пищей ходил Мишка Кошевой. На длинной палке он принес низку ды-мящихся котелков и, едва лишь вошел в землянку, крикнул:*

— *Так нельзя, братушки! Что ж это, **аль мы собаки?***

— *Ты об чем? — спросил Чубатый.*

— *Дохлаиной нас кормят! — возмущенно крикнул Кошевой..*

Григорий зажжёт лампу, — увидел на побуревшем лице его кровь и огнестрельную царапину выше лба.

— *Кто это тебя?.. Перевязать? Я зараз... погоди, вот бинт найду, — вскочил с кровати, разы-скал марлю и бинт.*

— *Загоится, как на собаке, — урчал Христоня. — Это меня, стал быть, воинский начальник скобленул с нагана* (М. А. Шолохов).

Не менее интересными являются примеры, в которых используется лексема *кот/cat* для ак-сиологических целей, как в следующих примерах в русском и английском языках.

— *“Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го “Г”, выглядевший, как кот после бли-нов”* (А. Солженицын).

— *Как кот, я выкрадывался из квартиры, держа под мышкой тяжелую рукопись.* (М. А. Булга-ков).

— *Живёт как **кот**, хорошо хоть мебель не царапает* (А. Берсенева).

— *Он прокрался к фонтану с застенчивым и целеустремленным видом, как кот к детской песоч-нице* (Д. Емец).

В английском языке “cat” чаще встречается во фразеологических единицах типа *a cat has nine lives, a cat in (the) pan, etc.*

— *Tybalt: What wouldst thou have with me?*

Mercutio: Good king of cats, nothing but one of your nine lives; that I mean to make bold withal, and, as you shall use me hereafter, dry-beat the rest of the eight... (W. Shakespeare)

— *If a cat has nine lives, sir, a lie has ninety-nine* (R. Blackmore).

— *O, this precious Basil will turn cat in the pan with any man...* (W. Scott)

— *When it became clear that Mr. Winch was going to lose his chairmanship, his secretary turned a cat in pan and went off to a rival company* (DEI).

В данных примерах зооним *кот/cat* употребляется для описания героев на основе характе-ристик, присущих данному животному: вальяжность, лень, осторожность, безделье, живучесть и так далее.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что зоонимы — это особый оценочно-экспрессивный пласт лексики во всех языках, который способствует формированию и обозначению ценностной картины мира, в основе которой лежат как этноспецифические, так и универсальные особенности, детерминированные особенностями исторического опыта каж-дого этноса и ассоциативного мышления, лежащего в основе формирования образов. При фор-мировании образов приоритет принадлежит сопоставлению, так как в рамках его происходит вычленение корреляций общего/универсального между референтом и языковым обозначением (лексемой).

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира : на материале рус. грамматики — М. : Школа “Языки рус. культуры”, 1997. — 576 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

2. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2004. — 39 с.

3. *Красных В. В.* “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы III Междунар. науч. конф., 16–18 мая 2001 / Тамб. гос.ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2001. — Ч. 1. — С. 8–11.
5. *Кубрякова Е. С.* Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Материалы I международ. науч. конф., 22–24 апр. 2004 / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — М. — Тамбов, 2004. — С. 9–16.
6. *Потураева Д. Б.* “Свое” — “чужое” в аспекте языковой картины мира // Филология и культура. Материалы IV Междунар. науч. конф., 16–18 апр. 2003 г. / Тамбовский. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2003. — С. 68–69.
7. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академ. Проект, 2001. — 990 с.
8. *Чекулай И. В.* Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, 10.02.04. — Белгород, 2006. — 473 с.
9. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* — Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 2003. — 276 p.
10. *Rosch E.* Natural Categories // *Cognitive Psychology.* — 1973. — Vol. 4. — № 3. — P. 326–350.

O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ROLE OF THE BIONYMS IN THE DISCOURSE ORGANIZATION OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article deals with the comparative cognitive semantic and pragmatic discourse analysis of the use of the animalistic nominations to characterize behaviour, appearance and peculiarities of human beings. The actual material of the analysis is represented with the examples in Russian and English. The author proves that alongside with the common cognitive characteristic features in the motives of animalistic nomination of the people the lingual image of the world possesses its singleness in the languages analyzed. The actual evaluative functioning of the lexemes examined is being influenced greatly by the latter phenomenon.

Key words: zoonyms, zoological/animal metaphor, conceptualization, categorization, discourse and pragmatic characteristics.

O. M. Прохорова, I. В. Чекулай

ФУНКЦІОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧНА РОЛЬ БІОНІМІВ В ОРГАНІЗАЦІЇ ДИСКУРСУ В РОСІЙСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

Статтю присвячено порівняльному когнітивно-семантичному та дискурсивно-прагматичному аналізу використання тваринних номінацій для характеристики поведінки, зовнішності та особливостей характеру людини. Фактичний матеріал для аналізу подано прикладами з російської та англійської мов. У статті обґрунтовується положення про те, що при наявності загальних когнітивних моментів у мотивації номінації людей через найменування тварин мовна картина світу має власну специфіку в даних мовах, що має відображення в реальному оцінювальному функціонуванні вказаних лексем.

Ключові слова: зооніми, зоометафора, концептуалізація, категоризація, дискурсивно-прагматичні характеристики.